

Ольга Козэль

Тому, кто по уши влюблён

Рождество

Ну не враги ж вы мне, овраги!
 Не нужно вышибать слезу.
 Травы малюсенькие шпаги
 И кто-то маленький внизу.
 Мадонна смотрит детские хмуро,
 Сметая крошки со стола.
 Она бела, широкоскула,
 Широкоскула и бела.
 И—ни ответа, ни привета.
 Опасно истончилась нить.
 И только, собственно, об этом
 Мне хочется поговорить.



Живёт в Таганрогском заливе маяк.
 Пока безымянный, но это пустяк.
 В Москве маневровый пыхтит тепловоз,
 А я отморожу и щёки, и нос,
 Пока с обожаньем смотрю на него.
 Живым дело есть до всего, до всего.
 И всё-таки жизнь провести на боку—
 Позиция самая верная.
 Я имя придумываю маяку—
 Придумаю скоро, наверное.



Если руки мне скрутит вина,
 Пусть враги торжествуют победу!
 На Кавказ я, пожалуй, уеду—
 Там такие у трав имена!

Там томился в горах Прометей,
 Был он мальчик, но травы моложе.
 Ястребинец, бессмертник, алтей
 За меня свои головы сложат.

Ну а если моя голова
 От усталости болью взропщит,
 Мне споёт вероника-трава,
 Улыбнётся из рва расторопша.

За окошком крапивная тишь,
 Каплет холод с неоновой крыши.
 Что ты, ласточка, мне говоришь?
 Я не слышу, не слышу, не слышу!

Нефть и молоко

А если завод нефтяной,
 Он пахнет, наверно, мазутом.
 Репейники у проходной—
 Ты тут не походишь разутым.
 Пустынно у дальних ворот,
 Но это, конечно, уловка.
 Рабочий спешит на завод—
 И пахнет металлом спецовка.
 А я-то в окне, высоко,
 Над вечным гореньем завода.
 Я пью не спеша молоко,
 Хотя это смешно в мои годы.
 И запах во мне—молока.
 Пусть нефть от обиды оглохнет.
 Я буду стыдиться, пока
 Оно на губах не обсохнет.

Стихи о моём экспresse

За синюю кромкою леса
 Синеек больница во мгле.
 Сижу я в кабине экспреса,
 И руки мои на руле.
 Цвет синий—холодный, бездушный,
 Но нет на Земле горячей
 Чужих и ко мне равнодушных
 Рассеянных синих очей.
 Отъехав от автовокзала,
 Сто раз их припомню на дню.
 Мне первой звонить не пристало,
 Но всё-таки я позвоню.
 В душе я ращу бессердечье,
 Жар-птицыно пью молоко.
 И как хорошо, что, конечно,
 До старости мне далеко.
 Скажу, что до лета, до лета
 Прощаюсь, плутаю в зиме.
 Экспресс тоже синего цвета,
 Но это не видно во тьме.
 А в Гжели сапфиры, сапфиры
 Рассыпаны возле дорог.
 А в Гжели торгуют пломбиром—
 Тягучим и сладким, как вздох.

● ● ●
Май милей котов и женщин.
По земле рассыпан жемчуг.
Словно линии в тетради,
Словно танки на параде,
От печалей далеки
Жемчуговые деньки.

Об одном и том же мысли:
Не настанет лето, если—
Если пеньем соловьёв
Не наполнюсь до краёв.

● ● ●
Мне не даются повороты,
И я робею отчего-то.
А очень многим повернуть
Намного легче, чем вздохнуть.
Я увеличиваю угол,
Но угол крошится, как уголь.
На пальцы сыплется табак—
И не вписаться мне никак.
Зачем, за что мне эта драма—
Держать удар, держаться прямо?
И я завидую стрижу:
Зачем я в небе не кружу?

● ● ●
А вдруг меня в больницу заберут—
И не увижу больше самолёта?
Смотренье в небеса—напрасный труд,
Но самолёт явился отчего-то.
Привиделся снующим вверх и вниз
Дождём, лукавой девочкой из чата.
И неуклюже, со всех лап, неслись
В черёмушном цвету грузовичата.

Апрель двадцатого года

Я вербу вечно путаю с ольхой.
Так что ж из них, ничуть не беспокоясь
Нелепою ошибкою такой,
Я рву в лесу, остановив автобус?

У вербы дел своих неупорот.
Она цветёт наперекор печалим.
Но если вербой Господа встречаем,
То, значит, Пасха точно к нам придёт.

Какая необычная война—
Ни выстрелов, ни страха до мурашек.
Одна лишь смерть привычна и нежна,
Как ситец наших форменных рубашек.

Случится уцелеть, довоевать—
До старости мне будет верба сниться.
И если внучка у меня родится—
Её я стану Вербушкой звать.

Оттепель

Белой мошью, чёрной пташью
Бьётся оттепель в холмы.
Ручейкам, понятно, страшно
Просыпаться среди зимы.

И всем прочим страшно вроде.
В кровь рассечены все дни.
Нет согласия в природе,
Лишь согласные одни.

Но зато на взморье диком,
Средь тепла могильных плит,
Сладко спишь ты, Эвридика,
Среди Хлой и Маргарит.

Спишь столетья носом в стенку,
В зелень, в оттепель, в жнивье.
Рассади скорей коленку,
Чтоб подуть мне на неё.

● ● ●
На Мосфильмовской—авария.
Встала улица уже.
Я смотрю на дом-аквариум
Где-то в тридцать этажей.

Там, наверно, лифты бегают,
Рыбки мельтешат везде
И, конечно же, не ведают,
Что живут они в воде.

Там в стеклянной канцелярии
Угорьки как угольки,
Ладит красный шар скалярия,
Бойко топают мальки.

Воздух влажен, словно в Питере,
Свет от несвободы ал.
И русалка в тёплом свитере
Грустно смотрит сериал.

У соседей выше ярусом
От оладий в кухне чад,
А сомиха с мшистым кактусом
Тоже смотрит—на внучат.

Кости ноют, ноют, лапушка,
Словно поднимала лом.
Не расстраивайся, бабушка!
Скоро ты покинешь дом!

● ● ●
Когда разбивается самолёт,
Всё в мире становится наоборот.
Холодными—пальцы и голова,
Горячими—ели, еловой—трава.

И только крапиве с огнём по пути:
Она на пожарницах любит расти.

● ● ●
Мы — взрослые. Нас разлюбили.
И, гордо бросив: «Наплевать», —
Мы плачем лишь в пустой квартире.
И снова плачем. И опять.
Но найден повод, чтоб небрежно
Глядеть в окно, как в окуляр,
И каждый вторник так прилежно
Таскаться на Тверской бульвар,
Как будто я во вражьем стане
Веду подпольную войну,
Как будто в Тихом океане
Прослушиваю глубину.

● ● ●
Я шатаюсь день-деньской,
Сдерживая шаг некстати
У гравёрной мастерской
В переулке на Арбате.

Гравировка серебра,
Гравировка на оружье,
И, рассеянно-щедра,
Чья-то память смотрит в лужи.

Как кружится голова,
Что задета словом громким!
Нас переживут слова —
В назидание потомкам.

Но когда ты нелюбим,
На душе скребут не кошки:
В лёгких стынет едкий дым,
Залежи гранитной крошки.

Так пылают от стыда
Уши. И сказать неловко:
«Никогда так никогда.
Уберите гравировку!»

● ● ●
За кинжальной насечкой
Наблюдаю с тоской.
Над Непрядвою-речкой
Едет Дмитрий Донской.
Тает войско, как пламя.
Знать, недобрая весть.
И, конечно, меж нами
Что-то общее есть.
За свечою на улице
Наступает зима.
В серебре у них сулицы,
В серебре шелома.
Не прочерчены линии.
В гроб уложено тело.
И берёзонька — синяя:
От огня посинела.

Шофёр

В тот год машины шли по Ладоге.
Казалось, стоит лишь вздохнуть,
И не по Ладоге — по радуге
В блокадный город ляжет путь.

Зима разила белым оловом,
Столярным снежным ремеслом,
Она обхватывала голову,
Припомнив зло другим числом.

И, как рубанок стружку нежную,
Кардан позёмку нарезал.
Под снегом, пахнущим подснежником,
Маячил ожиданья зал,

Где, как влюблённый ли, помешанный,
Не различал ты тьму и свет.
Никто не стоит злобы бешеной.
Никто, никто. Лишь белый цвет.

● ● ●
Терять в свою победу веру
Невыносимо, только всё ж:
«Поручик Лермонтов, к барьеру!» —
Вот это вызывает дрожь.

Ещё вчера за детской партией
Ты скрытничал и рвал тетрадь.
На карту жизнь! Но бита карта!
И на ноги тебе не встать.

Пусть двести лет струят молитвы
Молочный поминальный свет.
Бывает проигравший в битве —
В дуэли проигравших нет.

Старина

Гудят ковыли да столбы.
Но ведь ничего не осталось
От этой щемящей, как жалость,
Тюменской оконной резьбы.

Где свадебный плат или вдовий?
Где первые чьи-то шаги?
Под тенью оконных надбровий
Квадраты, кресты и круги?

И этот нехитрый орнамент
Из трав, милых лиц, чешуи
Румянит, как прежде, румянит
Печальные срубы свои.

Малец, от лучей полосатый,
На карточке рвёт бузину.
Спи, хлопче! Год ныне двадцатый!
Не скоро тебе на войну!

● ● ●
Не видать мне тебя, княженика!
Ты живёшь неприкаянно, дико.
Гор отроги в уральских лесах—
Точно пальцы в твоих волосах.
Угловатой походкой усталой
Осторожно ступаешь по скалам.
Поглядишь — и вода из колодца,
Словно кровь лебединая, жжётся.
Княженика, спаси тебя Боже
За красу и за горечь твою!
Мы — чужие. И всё же, и всё же
Ты навечно во мне, как в раю.

Коричневый сахар

Пластают тело тростника.
Он не испытывает страха.
В забвенье смерть всегда легка,
А после смерти будет сахар.
В Калькутте барабанный мох.
И мир похож на летний морг.
И солнце лупит болью сонной,
Как лампа в операционной.
Вот это участь — славен Бог! —
Стать сладстью из стеблей истёртых!
Кладу за щёку сахарок
И верю в воскресенье мёртвых.

● ● ●
Хорошо быть товарным составом!
Не бывает железо усталым.
Поездам наплевать на погоду,
Как собакам бойцовой породы.
Знай беги да считай полустанки!
В десять лет у меня были санки.
Пёс Плутон их тянул по привычке,
Пёс Плутон был сильнее электрички.
Неудачник, замри, не надейся:
Ни Плутона, ни санок, ни рельсов.
Н и пусть! Приручу лабрадора
И уеду на поезде в горы.

● ● ●
Моя сестра теперь в чужой стране.
Пытаюсь я смириться с горьким фактом.
Ведь кто-то погибает на войне
Иль просто умирает от инфаркта.

Подумаешь, погасшее окно
Объеду за сто вёрст — и, может статься,
Тот холод мне милее всё равно
Тепла всех на Земле электростанций.

Пусть лучше я погибну на войне,
Лишь бы не видеть тёмных окон мне!

● ● ●
Приснился мне голодный год,
Татарский нож, степной поход.
Скакали мы тринадцать дней
И пили кровь своих коней.
Был ранен, умер хан Ахмат —
Его несли мы на закат.
И по пути к долине рек
Убили триста человек.
«Служите хану в том краю!»
Себя за то я не корю.
Смешно корить себя за сон
Тому, кто по уши влюблён.
Проснувшись, я беру планшет,
Чужую смерть свожу на нет:
Рисую кровь, степной ночлег,
Кровь и себя — в долине рек.

● ● ●
В земле живут алмазы.
Руда живёт в горах.
Наверно, водолазы
Не знают слова «страх».
Но я земная птаха.
И я боюсь воды.
Я состою из страха
И прочей ерунды.